

РОЛЬ СЕМИТСКОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКЕ ИДИШ

ИДИШ в течение многих лет служил разговорным языком ашкеназского (центрально- и восточноевропейского) еврейства. В современном обычном употреблении “идиш” обозначает язык евреев Восточной Европы и их потомков по всему миру. История анализа идиша как “смеси языков” (или, согласно более точной терминологии Макса Вайнрайха, – “сплава” [Weinreich 1984d, 349]) начинается еще в XVI веке с попыток выявить основные его черты. Но, как бы то ни было, лишь в начале XX века специалистами, занимающимися еврейской филологией, была создана концептуальная и методологическая база для структурного описания идиша как сплава языков. Наиболее систематически упорядоченную модель-описание сплава предложил Макс Вайнрайх, впоследствии ставший историком идиша. Его концептуальная работа “Geshikhte fun der Yidisher sprach” [Weinreich 1984] стала стандартом в современной идишской лингвистике и представляет особую ценность для общего изучения “смешанных” языков. Макс Вайнрайх разграничивал структурно и исторически разные, хотя и взаимосвязанные, концепты:

1) **язык-основу**, из которого в язык-сплав взята большая часть лингвистического материала;

2) **детерминанты**, т. е. те элементы языка-основы, которые потенциально могли бы войти в новый язык, если бы для этого сложились благоприятные исторические и языковые условия;

3) **компоненты**, т. е. уже имеющиеся языковые элементы на любой стадии исторического развития языка-сплава [Weinreich 1984d, 349–398].

Каждый из трех главных компонентов современного идиша отражает различные исторические факторы, которые определили развитие языка. Согласно концепции Довида Каца, семитский компонент, в конечном счете, происходит из языка евреев, которые проживали на германоговорящих территориях около тысячи лет назад.

Германский компонент отражает форму настоящей речи тех евреев. Именно эта форма и легла в основу идиша. А славянский компонент отражает возрастающую миграцию идишговорящих евреев в славянские страны Восточной Европы [Katz 1986, 228–251].

Первым ученым, который обратился к вопросу о периодизации истории языка идиш, был, как известно, Макс Вайнрайх [Weinreich 1984e, 351]. Согласно его концепции, идиш был создан примерно в X веке французскими и итальянскими евреями, которые изначально жили в Рейнленде, а потом переселились в Регенсбург. Он также считал, что прошло не менее 3–4 веков, прежде чем началось 700-летнее контактирование со славянскими языками, сначала на двуязычной германо-славянской территории Восточной Германии, а вскоре – в Богемии [Weinreich 1984e, 49]. Пол Векслер делает вывод о том, что модель происхождения идиша, предложенная Вайнрайхом, в корне неверна, но ее нельзя не принимать во внимание, т. к. появление новой версии стало возможным только благодаря анализу фактического материала, собранного и упорядоченного самим ученым [Wexler 1987e, 140]. Кроме того, существует еще масса нерешенных проблем, которыми в ближайшее время должны заняться языковеды, занимающиеся исторической лингвистикой.

Задачей настоящего исследования является, в первую очередь, анализ устной традиции – передачи текстов, которая обладает своими собственными чертами и может помочь в понимании жизни и истории еврейских общин в диаспоре. Философы и аналитики посвятили много времени и сил определению понятия “традиция”, соотношению устной и письменной традиции. В иудаизме соотношение между “minhag” (обычай) и “halakha” (закон) всегда было важнейшим вопросом. В особенности, когда дело касалось языковых традиций. Эти традиции не только имеют литературную или языковую ценность, они были свойственны поколениям

вплоть до возрождения иврита в XIX веке; они стали средством, с помощью которого веками поддерживалась историческая память еврейского народа, а также служили инструментом изучения великого классического наследия – Библии, Мишны, Талмуда, Мидрашей и других произведений, написанных на иврите и на арамейском языке. Именно языковые традиции оживили саму сущность иврита и классического средневекового арамейского, сделали написанные тексты прозрачными; зная их, еврейский народ смог читать и интерпретировать классические источники.

Множество процессов сыграло свою роль в формировании и развитии языковых традиций. И на определенном этапе развития для каждой конкретной общины или группы общин, проживающих на одной территории, выкристаллизовался свой корпус слов классического иврита и отношение к нему, которое состояло из многих компонентов: традиция цитирования (прочтения, воспроизведения) Священного Писания (в особенности Торы и пророков, свитков и псалмов) и отношение к системе огласовок, принятое общиной; традиция прочтения постбиблейской литературы на иврите (Мишны и Талмуда); фонетические и морфологические традиции для прочтения молитв; знакомство с грамматикой и лексикой письменных текстов. Компоненты корпуса слов из классического иврита отличались и по количественному, и по качественному составу в разных общинах, странах – и все это зависело от сплоченности языкового коллектива и престижа той или иной традиции. Не стоит специально акцентировать внимание на том, что не все члены коллектива в одинаковой мере были компетентны в области классического ивритского наследия. С другой стороны, обращение к ивриту в любой общине было неотъемлемой частью быта, а некоторые общины, живущие в разных уголках мира, вообще предпочитали двуязычную систему: разговорный язык сосуществовал отдельно от традиционного языка культуры, в частности – иврита. Это была довольно таки редкая ситуация диглоссии, т.е. сосуществования двух языковых разновидностей, стандартов – высокого и низкого. Но статус иврита всегда оставался примерно одним и тем же: в традиционном еврейском

обществе иврит служил средством передачи культурного наследия, хотя и не являлся языком, на котором говорили в обычной жизни. Знать иврит (и арамейский) означало, главным образом, уметь читать и цитировать библейские и постбиблейские тексты в рамках сложившейся языковой традиции, а для более образованных членов общины – сравнивать и толковать их. Такая потенциальная способность имела большое значение для статуса еврея в его общине. Поэтому отношения между классическим ивритом и разговорным языком нельзя рассматривать как просто ситуацию диглоссии, в них нужно видеть соотношение между применением знаний языка в процессе создания культурного наследия общества и простым разговорным языком. Такую ситуацию, по мнению Шломо Морага [Morag 1995b, 7], можно назвать “социоглоссией”.

Отдельно от корпуса слов классического иврита, все еврейские общины создали еще один ивритско-арамейский корпус слов. Во всех еврейских языках и диалектах – идише, иудео-испанском, иудео-арабском, иудео-итальянском, иудео-нео-арамейском, иудео-персидском, иудео-грузинском и т.д. – есть тысячи ивритских и арамейских слов, выражений и фраз, библейских цитат и аллюзий, но еще сотни ивритских слов были созданы за долгие годы рассеяния. Например, возьмем абстрактный ивритский корень “нхм” – “утешать”. В идише “нэхомэ” имеет такое же значение, как и ивритское слово “нэхам” – “утешение”, в этом языке также есть глагол “мэнахэм овл зайн”, что значит “оплакивать умершего”. Когда же мы обратимся к иудео-итальянскому, мы обнаружим ряд интересных изменений: “фар нахаму” означает “отменить соглашение”, а в иудео-персидском “хаци нахама” – это “могло бы быть и хуже”. Такой корпус ивритских компонентов в еврейских языках Шломо Морага [Morag 1995b, 9] называет “The integrated Hebrew corpus” (интегрированный корпус ивритских слов), который, по мнению ученого, обладает некоторыми любопытными чертами. Такой корпус слов очень динамичен, переполнен чувствами и эмоциями, скептической иронией – всем тем, что могли дать трудности существования в диаспоре. И, конечно,

не стоит говорить о том, что история этих ивритских элементов является частью появления и экспансии еврейских языков, которые связывали еврейскую культуру с окружающим миром. Более того, функция еврейских языков может быть определена с двух сторон: они делали возможным общение с нееврейским окружением, но в то же время служили барьером между нееврейскими народами и еврейскими общинами. Таким образом, для увеличения этого барьера, наследование (впитывание) ивритских слов было очень важным для какого-либо еврейского языка.

Итак, как уже отмечалось, кроме лоезского компонента, в идише огромную роль сыграли семитский и славянский элементы. Семитский элемент включает в себя большей частью заимствования из иврита, арабского, а славянский – из русского, украинского, польского, чешского и сербохорватского языков. Но, хотя влияние славянских языков неоспоримо, семитский компонент был намного важнее во всех формах восточного и западного идиша. Ученые считают, что в идише присутствует от 15 до 20 процентов семитских заимствований, и люди, говорящие на идиш, несомненно, намного больше пользуются ими в каждодневной и религиозной терминологии, чем, например, англоговорящие католики – латынью. Семитские слова и выражения можно найти на любом уровне языка – от специализированных терминов духовной жизни до проклятий, от имен до вульгарного жаргона, и это относится не только к существительным, но и к другим частям речи.

Термин “иврит”, в данном случае, такой же “чистый”, как и термин “идиш” по отношению к немецкому языку. Кроме сильного арамейского влияния, иврит содержит много выражений, включая названия месяцев и такие личные имена, как Мордехай и Эстер, которые были заимствованы евреями из аккадского языка Месопотамии во время вавилонского изгнания. Еще раньше в иврит пришли слова и имена (например, Пинхас) из Египта во время египетского пленения, имевшего место, по преданию, во втором тысячелетии до нашей эры. Библейский иврит сохранился только как язык ритуала и молитвы, в то время как арамейский, один из самых распростра-

ненных языков на Ближнем Востоке, был вытеснен арабским в качестве разговорного языка в Палестине только в VIII веке до нашей эры. Диалект арамейского языка, ошибочно известный как “ассирийский”, все еще используется в некоторых общинах в Сирии, Ливане, Ираке и Иране, хотя этот “халдейский язык” легально закрепился в еврейской сакральной и раввинистической литературе. Такие важные молитвы, как “Коль нидрей” (молитва, открывающая Йом Кипур) и “каддиш” (молитва об умершем), написаны на арамейском языке. После разрушения второго храма евреи – сначала в Палестине, а потом и во всей диаспоре – приняли различные варианты иврита в качестве литературных языков. Этот так называемый “мишнаитский” иврит не идентичен библейскому языку и базируется, скорее всего, на некой разговорной форме, используемой в Палестине до изгнания. Современный израильский иврит, возрожденный в XIX–XX веке, базируется как на библейском, так и на мишнаитском иврите, и поэтому в языке нет четких различий между ивритскими и арамейскими элементами.

Перед тем, как непосредственно перейти к характеристике ивритского компонента, необходимо, на наш взгляд, более точно определить, что понимается под семитским компонентом в языке идиш, а для этого следует обратиться к концепции Макса Вайнрайха [Weinreich 1984d, 351].

Согласно его точке зрения, первое поколение эмигрантов в Лотер, и, возможно, последующие поколения, оказавшись в ситуации многоязычия, использовали новый язык – идиш, который еще долгое время был богат альтернативными звуками, формами, словами (причем, все эти варианты существовали весь период, пока на нем разговаривали). Когда более стабильная форма языка стала проникать в Лотер, она не была уже просто ко-территориальным вариантом немецкого языка: интонация и дифференцирующие фонемы были неодинаковы. Но, по причине того, что смешанный характер определяет всю судьбу идиша, нужно остановиться на сущности каждого детерминанта языка.

Детерминант и компонент – это не одно и то же. От германского детерминанта, например, был один шаг к компоненту в

идише, но не все языковые элементы, которые могли бы потенциально быть восприняты идишем, вошли в него. Хотя, с другой стороны, германский детерминант так же не идентичен с германским языком-источником, он лишь часть языка-источника, к которому лотер-ашкеназская община имела доступ. Таким образом, знакомство с историей структуры языка-источника, из которого был взят детерминант, вовсе не восстанавливает картину развития детерминанта. Чтобы более подробно познакомиться с детерминантами, нужно рассмотреть их в полном ракурсе исторического развития, т.е. в такой последовательности, как они появлялись и оформлялись в языке: ивритский, лоезский (лазский, лаазский), германский и славянский. Естественно, что евреи были связаны с ивритом, когда они стали народом, лоез был принесен в Лотер иммигрантами, с немецким они встретились уже в Лотере, славянский – унаследовали из экспансии ашкеназов на восток. Прежде, чем начать анализ семитского (ивритского) компонента в идише, нужно прояснить фундаментальное различие между двумя лингвистическими понятиями: “полный иврит” и “смешанный иврит” (в терминологии Вайнрайха “whole Hebrew” and “merged Hebrew” [Weinreich 1984d, 352]).

Пусть “полностью иврит” будет названием языка, который продолжает язык священных текстов (или отдельных фраз и слов на “лошн койдеш”, взятых неизменными из определенных текстов) и который каждый раз воспроизводит человек – носитель идиша, когда он читает какую-либо книгу религиозного содержания или цитирует что-либо наизусть. Для англоговорящих читателей, например, “полностью” иврит – единственный путь, позволяющий познакомиться с ивритом, но идишговорящий читатель знаком также с другим видом ивритского компонента – в более интимной форме. Это тот компонент “лошн-койдеш”, который является органичной частью каждодневного языка и не требует какого-либо посредничества. Компонентом “лошн-койдеша” в сплаве идиша – “смешанный иврит” – и “полностью иврит” часто порозному ведут себя в идише. Тут заметнее всего то, что в безударных слогах в “смешанном иврите” гласные сокращаются.

Таким образом, в “полностью иврите” мы имеем “брохо” – (благословление), а в “смешанном иврите” – “брохе”. Составные единицы из “полностью...” становятся в “смешанном иврите” словами с одним главным ударением: “бэ ‘ройш а’ шоно” → “рошешонэ”.

На самом деле, лучше говорить, что “смешанный иврит” не является больше ивритом в прямом смысле этого слова, это уже идиш, т.е. ивритский компонент идиша, и если обратиться к дескриптивной лингвистике, мы должны игнорировать вопрос о происхождении языкового материала, который исследуем. Если же мы занимаемся историческим языкознанием, то пригодятся знания о различии этих двух видов иврита в идише. **Итак, языковая единица ивритского происхождения могла прийти в идиш из разных источников:**

1) из “полностью иврита” – тогда, когда, например, заимствуется цитата;

2) из “полностью иврита” в более древний период развития идиша – большая часть лексических единиц;

3) возможно, через посредство языка-источника, праязыка.

Вполне вероятно, что, например, тот или иной элемент из “лошн-койдеш” мог перейти в идиш в той форме, в которой иммигранты из западного или южного Лоеза использовали его в своем “смешанном иврите”. Слишком многих примеров нельзя, однако, привести, т.к. ашкеназские евреи с легкостью постоянно черпали такие слова или фразы из открытого колодца “лошн-койдеша”. А наши знания о компоненте из “лошн-койдеша” в долоэзском языке навсегда останутся ограниченными, т.к. количество дошедших документов на этом языке и примеры традиционного написания слов в нем не дают полной картины произношения. На сегодняшний день мы можем оперировать лишь таким понятием, как “иврит в среде лоезских евреев”, без различения двух формантов – “полностью иврита” и “смешанного иврита” в их языках. Например, странное развитие языковой единицы “байс” (дом) (из нормальной формы “бэн байс” в “балэ-бос\бус”) может дать нам лишь некоторые намеки на направление развития самого языка. Другими словами, некоторые члены

общины демонстрируют тенденцию оторваться от грамматических норм “полностью иврита” и достичь норм “смешанного иврита” в новых заимствованиях.

Теория текстов – стандартная теория, которая до последнего времени господствовала в еврейской лингвистике. Но в историческом языкознании нет единого мнения по поводу происхождения ивритского компонента в идише, т. к. до сих пор невозможно составить полный список текстов, из которых был заимствован семитский лексический материал. Макс Вайнрайх [Weinreich 1984e, 90] утверждает, что германский компонент, был заимствован “не из книг и не от писателей, а от соседей, с которыми жили евреи на одной территории”. О славянском компоненте он пишет, что “идишу следует быть благодарным соседству со славянскими народами”, но когда доходит очередь до семитского компонента, то чувство ясности и определенности исчезает. Здесь у стандартной теории есть готовый ответ. Во-первых, о существовании семитского компонента в идише изначально: это была определенная религиозная терминология, которую знали все с самого начала появления идиша, поэтому такой семитский компонент нужно рассматривать не иначе, как “впитанный” (“инкорпорирунг”, согласно терминологии М. Вайнрайха). Во-вторых, “из книг просочились в живую речь слова, выражения, идиомы, пословицы и изречения на все случаи жизни” [Weinreich 1984e, 93]. И, в-третьих, по поводу механизма впитывания \ заимствования: “не из уст в уши, а из книг или предисловий к книгам” (Макс Вайнрайх [Weinreich 1984e, 94]). Поиском книг-источников, из которых пришли в идиш семитские слова и выражения, были заняты такие ученые, как Д.-Б. Борухов (1913 г.), Я. Голумб (1910 г.), стараясь четко обозначить, по какому случаю, где и когда употреблялось слово, превращая, таким образом, историческую лингвистику в библиографию [Katz 1986, 240]. Причем, здесь вовсе не идет речь о каких-то устойчивых выражениях – анализируются каждодневные фразы. Эти лингвисты утверждают, например, что слово “бэкаров” (“вскоре”) пришло в идиш из Книги Иезекеиля, “бэрогэз” (“в ссоре”) – из Книги Аввакума, а “брит-мила” (“обрезание”) –

из Книги Бытия. С другой стороны, их замечания довольно-таки осторожны; Яффе и Марк [Weinreich 1984e, 70] говорят, что такой семитский компонент представлял собой типичные места в ТаНаХе и Талмуде, которые потом могли быть использованы как решающий фактор или толчок к заимствованию того или иного слова или выражения в идиш. Не придерживаясь четко выбранной точки зрения, стандартная теория все еще пытается продемонстрировать, что идиш впитал, например, 39 лексических единиц из Книги Бытия, 28 из Книги Числа и т. д.

По мнению христианских авторов лингвистических сочинений XVI века, семитский компонент в идише появился таким же путем, как и латинский – в господствующем германском компоненте. Из этого сравнения вырастает дополнительный вопрос: каковы были причины такого заимствования семитского компонента? Одна из существовавших точек зрения (см. Шааде, 1592 г.) предполагает, что семитский компонент появился в идише в противоположность словам латинского или французского происхождения, чтобы христиане не понимали их [Katz 1986, 241]. Есть и другая точка зрения (Бокстроф, 1603): семитский компонент был в идише изначально, с помощью него евреи обучали своих детей книжному ивриту (ивриту священных текстов). Среди христианских ученых таких взглядов придерживались, например, Зенерт (1666 г.) и Газелбауэр (1742 г.). С другой стороны, Кризандер (1750 г.), который несколько отошел от общепринятой точки зрения на семитский компонент, приводит 3 довода в пользу того, что сами евреи внесли семитские слова и выражения в идиш: а) по причине их любви к ивриту священных текстов; б) в пользу тенденции построения стены между христианами и евреями (иудеями); в) чтобы христиане как можно меньше их понимали [Katz 1986, 243]. Шудт (1714 г.) также вносит приемлемое предположение, что евреи вмешивали в свою речь слова и выражения из ТаНаХа или Хумаши, которые они выучили, чтобы, через связь с каким-либо жизненным случаем, лучше их запомнить. Таким образом, говоря о вторичном впитывании семитского компонента, Шудт становится автором теории текстов [Katz 1986, 244].

Итак, теория текстов заняла ведущее место в исторической лингвистике, но тем интереснее становится вопрос о происхождении идиша и то, как оно объясняется этой теорией.

Конечно, сущность и независимость идиша не зависела только лишь от присутствия в нем семитского компонента, но, на самом деле, наличие семитской лексики в идише в какой-либо период является явным признаком того, что он уже существовал в данный период. С другой стороны, нам сложно описать сам идиш без семитского компонента. Таким образом, теория текстов видит в идише относительно молодой язык, в то время как теория наследия видит в нем язык более старый. Каким же образом можно прояснить положение семитского компонента в идише на основе анализа письменных текстов, не впадая в крайности, как это делают представители теории текстов? Новая лингвистика доказала, что старый литературный идиш, зафиксированный в письменных источниках, – язык отредактированный, подвергшийся строгой цензуре. Именно такой искусственный язык стер письменный литературный немецкий, которым пользовались в тот период, и в нем нет и следа настоящего живого идиша. К этому выводу одним из первых пришли Дов Бер Борухов и Натан Штиф в 20-е годы XX века [Shtif 1929, 18]. Из таких рассуждений вполне можно сделать вывод о том, что семитский компонент в идише не был полностью заимствован только из текстов, из письменного языка. “Семитский компонент”, как технический термин в лингвистике, можно определить следующим образом: это лексические единицы семитского происхождения, которые люди склонны путать с ивритскими словами, заимствованными в идиш по какой-либо причине. Например, в переводе псалмов Ицхака Бахура (1545 г.) есть слова (“мэлах” (“ангел”), “тора” (“Тора”, “учение”) и т. п., которые также могут принадлежать к семитскому компоненту в идише, с точки зрения синхронии мы должны рассматривать их в переводе Бахура как слова ивритские внутри текста рукописи. И это происходит из-за семантической нагрузки, которую они несут в себе. Все эти слова – религиозные термины, использование которых внутри

немецкого текста было обусловлено задачей решить некоторые теологические проблемы. Но стоит отметить ограниченность такой категории слов: они, большей частью, – имена существительные [Katz 1986, 247]. Неужели тогда из письменных источников подобного типа можно узнать о живом языке идиш? Можно, только не очень много. С другой стороны, у нас есть предисловие и послесловие к словарю Корнелиуса Аделькинда, где он свободно использует такие каждодневные слова, как “балебосим” (“хозяева”), “бэшутфес” (“совместно”) и т. п. [Katz 1986, 249] Мы видим два разных вида письменных источников одного и того же года и в одной и той же книге. Если перевод Бахура написан на высоком литературном языке, то строчки, автором которых является Аделькинд, более близки к живому разговорному идишу. И один из признаков последнего – простое употребление семитского компонента, без претензии на большие познания в области семитских языков.

При использовании обеих теорий (теории текстов и теории наследия) можно определить степень распространенности семитского компонента в разные периоды. Это могут быть исследования как количества семитских лексических единиц, так и семантики и социолингвистики. Согласно **теории текстов**, в самом начале развития идиша семитский компонент был представлен довольно слабо, но в дальнейшем его количество возрастало и качество изменялось, благодаря все большему использованию иврита в обучении и религиозной практике ашкеназов. С точки зрения **теории наследия**, все происходило совершенно наоборот: с развитием общества и языка семитский компонент развивался и уменьшался от поколения к поколению – как результат разобщения с исходной семитской (живой) языковой базой. Таким образом, исчезли многие семитские выражения из идиша, а на смену им пришли славянские и германские. В частности, в восточном идише доля семитского компонента уменьшилась из-за конкуренции, которая началась между семитским компонентом и славянским. Теория наследия не опровергает заимствование слов и выражений из книг, но это малая толика всего состава семитской лексики. Кроме того, тексты

усиливают положение семитского компонента в идише. Но как бы то ни было, даже утверждение в текстах не могло устоять против влияния ко-территориальных живых языков. Например, в идише есть такие выражения как “ахлэнэн” (“есть”), “шаткэнэн” (“молчать”), которые появились изначально в текстах, а потом вошли в разговорную речь. Теперь они имеют лишь юмористический или грубый оттенок, а в обычном значении не употребляются.

В качестве вывода можно выделить, по крайней мере, три направления, в которых можно было бы продолжить дальнейшее исследование семитского компонента. *Во-первых*, в области истории идиша, используя методы восстановления протоязыка, нужно, наконец, прийти к согласию, когда вошел семитский компонент в язык ашкеназских евреев. Из пары “германский и семитский компонент” – он является одним из базовых признаков языковой сущности идиша, поэтому, вооружившись обновленным корпусом примеров и новыми методами исследования, необходимо обратиться к решению данной проблемы. *Во-вторых*, исследование семитского компонента может многое дать для сравнительного языкознания. Очень часто поднимается вопрос о том, что основная теория в истории языка идиш нуждается в историческом исследовании именно идиша больше, чем в истории других языков, сосуществовавших с ним. Причина этого в том, что обращается внимание не на языковой материал, предоставленный самим идишем, а на материал из других языков, из которых идиш получил свои компоненты (детерминанты и компоненты – в терминологии Макса Вайнрайха). Нужно особенно внимательно отнестись к семитскому компоненту, т. к. в Европе не было семитских ко-территориальных языков. Таким образом, становится понятной конфронтация между теорией текстов и теорией наследия. *В-третьих*, интересно проследить реализацию противопоставления “долгота – краткость” на большем

количестве фактического материала. Система семитских гласных, которая вошла в идиш, осталась по своему качеству чем-то средним между “Тивериадской” грамматикой, в которой 7 гласных, и “эрэц-исроильской”, в которой 5 гласных. Семитский вокализм, который евреи принесли с собой в Европу, заимствовал из “Тивериадской” грамматики огласовку открытого слога. И если в закрытом слоге огласовка, полученная от “эрэц – исроильской” грамматики, нейтрализуется, с помощью идиша возможно доказать существование такой системы гласных в семитских языках на северо-западе.

В течение последних десятилетий семитский (главным образом, ивритский) компонент еврейских языков занимал одно из ведущих мест в исследованиях по еврейской лингвистике. И сегодня кажется совершенно необходимым проанализировать и обобщить все те достижения и выводы, к которым пришли ученые, а также выделить методологические и эпистемологические проблемы, к которым следовало обратиться в будущем.

Традиционно, определения, которые даются еврейским языкам, учитывают роль семитского (ивритского и арамейского, если говорить конкретно об идише) компонента в них. Это, прежде всего, алфавит, наличие ивритской лексики (наряду, конечно же, со славянской, германской, испанской и т. п.), важность ивритских параллелей в историческом, культурологическом и социальном смысле.

Далее, существует неясность в терминологии, которая используется по отношению к ивритскому компоненту в еврейских языках. Например, терминология М. Вайнрайха (“Whole Hebrew”, “Merged Hebrew”) некорректна при исследовании семитской составляющей других еврейских языков, помимо идиша, а для применения в таких целях, она явно нуждается в пересмотре и уточнении, т. к. не во всех общинах роль сакральных текстов была так же велика, как в ашкеназских.

ЛИТЕРАТУРА

Русско-еврейский (идиш) словарь – п. /р. М.Я. Шапиро, И.Г. Сривака и др. Москва, 1984.

Современный русско-ивритский ивритско-русский словарь п. / р. Й. Гури. – Тель-Авив, 1992.

Dovid Katz. Ha yisod ha shemi beyidish: yerusha meyamey kodem. Ha safrut. 1986.

Explorations in the history of the Semitic component in Yiddish. 2 vol. Ph. Thesis, Department of Hebrew and Jewish Studies and Department of Phonetics and Linguistics. University College, London. 1982.

Mark Y. Yidish-Hebreish un Hebreish-Yidishy vortshafungen. – YIVO bleter 1957–1958 num. 41.

Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary. By U. Weinreich. New York, 1968.

Morag Sh. The study of the language tradition of the Jewish communities of the Diaspora // **The second International Conference on the Hebrew and Aramaic component in Jewish languages.** Milano, 1995.

Morag Sh. The Integrated Corpus of Hebrew elements in Jewish languages: some aspects of analysis // The second International Conference on the Hebrew and Aramaic component in Jewish languages. Milano, October 23-26th, 1995.

Niborski I. Verterbukh fun losh-koydesh shtamike verter in Yidish. Medem Biblotek. Paris, 1999.

Shtif N. Di sotsiale diferentsiatsiye in Yidish. Di hebreishe elementn in der shprakh. Di yidishe shprakh #17–18, 1929.

Uriel Weinreich. Ha ivrit ha Ashkenazit ve ha ivrit shebeidish: bkhinatem ha geografit. Lashonenu, 1986.

Weinreich M. Ashkenaz in the framework of Jewish Communities // Weinreich M. History of the Yiddish language. Jerusalem–New York, 1984.

Weinreich M. Criteria for the periodization of Yiddish // Weinreich M. History of the Yiddish language. Jerusalem–New York, 1984.

Weinreich M. Internal Jewish Bilingualism Weinreich M. History of the Yiddish language. Jerusalem–New York, 1984.

Weinreich M. The Linguistic Determinants // Weinreich M. History of the Yiddish language. Jerusalem–New York, 1984.

Weinreich M. Yiddish in the framework of other Jewish languages Weinreich M. History of the Yiddish language. Jerusalem–New York, 1984.

Wexler P. Jewish Inter-Linguistics: facts and Conceptual framework. Linguistics. 1991.

Wexler P. Reconceptualizing the genesis of Yiddish in the light of its non-native components // Language and Communication. London, 1987, vol. 7.